

УДК 94(47).08

**«БЫТЬ ПОЛЯКОМ»:
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЯКОВ
САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX в.**

Е.Н. Вяльцева, В.В. Кутявин

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, г. Самара, 443086, Россия*

Аннотация

В статье на основе преимущественно архивных и статистических материалов рассматриваются институты и механизмы национальной самоидентификации членов польской диаспоры Самарской губернии второй половины XIX – начала XX вв., которая состояла из ссыльных участников восстания 1863–1864 гг., добровольных мигрантов, а также беженцев в годы Первой мировой войны. Показана ключевая роль католической общины в жизни самарской Полонии, а также растущая активность польской диаспоры в Самаре, вызванная Первой мировой войной. Доказывается, что польская диаспора смогла в инонациональном окружении успешно противостоять ассимиляционным процессам, создав систему институтов и механизмов, позволявшую сохранять и укреплять главную идентичность поляков – «быть поляком». Таким образом, история польской диаспоры в Самаре, как и Полонии вообще, является органической частью истории польского народа.

Ключевые слова: пореформенная Российская империя, Самарская губерния, польская диаспора, национальная идентичность, институты и механизмы национальной самоидентификации, католицизм

Сообщество поляков, как любая диаспора, в пореформенной Самарской губернии стремилось не только выживать, но и поддерживать и даже развивать свою национальную идентичность, противодействуя угрозам и притеснениям, исходящим от инонационального окружения. Самую большую опасность национальной идентичности поляков создавала русско-польская конфронтация. Бюрократический аппарат империи был необычайно методичен и настойчив в своих интеграционных действиях, впрочем, оппозиция правительственной политике и само взаимодействие с иным окружением, бесспорно, способствовали закреплению особых признаков польской диаспоры, присущей ей самобытности. В условиях противостояния обычно усиливаются межгрупповые и слабеют внутргрупповые различия.

Следует отметить, что обозреватель данной проблематики остро ощущает недостаток документов, которые позволили бы установить, как переживался

и развивался процесс самоидентификации поляков в одной из внутренних губерний Российской империи. Поляки Самарской губернии не оставили после себя свидетельств, которые помогли бы проанализировать индивидуальный опыт людей, принудительно высланных или добровольно мигрировавших на берега Волги. Мемуарные, эпистолярные, публицистические материалы, как известно, позволяют точнее реконструировать историческую память (воспоминания о национальных травмах и катастрофах, которые эффективно консолидируют нацию) и идейные ориентации (в том числе представления о будущем) поляков, оказавшихся вдали от своей исторической родины. Вместе с тем нельзя забывать, что национальная идентичность как нерелефлексивная данность обнаруживает себя прежде всего в привычном, повседневном, иногда в драматической прозе жизни. Несомненно, устойчивость национального (этнического), проявляясь на обыденном уровне, составляет постоянную основу самоидентификации личности с её индивидуальным опытом. Статистические и актовые материалы – опубликованные и рукописные – дают возможность достаточно достоверно охарактеризовать национальную идентичность поляков Самарской губернии, точнее понять роль социальных и культурных институтов, на которые опиралась самоидентификация представителей польской диаспоры.

При отсутствии национальной государственности особое значение приобретают другие факторы и механизмы консолидации сообщества. Для поляков, оказавшихся в разных уголках Российской империи, фундаментальную этноконсолидирующую функцию выполнял католицизм, а значит, и принадлежность к католической общине. В прошлом религиозная идентичность часто становилась началом формирования чувства этнической и национальной самобытности.

К XIX в. католицизм становится значимой составляющей, а может быть, даже квалифицирующей польской культуры, не только элитарной, но и народной. Для поляков, оказавшихся в иноконфессиональном и инонациональном окружении, национальная идентичность самым естественным образом переплеталась с конфессиональной, тем более что принадлежность к нации опирается на внутреннее убеждение, сходное с религиозным, и эмоциональное отождествление себя с польским миром.

Если большинство католического населения Самарской губернии было представлено немцами, компактно проживавшими в пределах немецких колоний (ПВПН, с. 56), то среди католиков Самары, по данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., явно доминировали поляки – 952 человека из 1 244 (ПВПН, с. 66), или 76.5%. Кроме того, необходимо отметить, что проживавших в Самаре поляков было 958 человек (ПВПН, с. 56). То есть среди них 99.4% – это католики.

Преобладание поляков в самарской католической общине подтверждает и тот факт, что неоготический католический храм в Самаре и в официальных документах, и на почтовых открытках чаще всего называли «Польским костёлом» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 33. Д. 530. Л.1; Д. 532. Л.1; Д. 533. Л. 1; Д. 534. Л. 1).

Именно поляки шли с инициативами создания в Самаре католического молитвенного дома, постройки костёла, а также создания при нём благотворительного общества и библиотеки-читальни. Так, в прошении 1881 г. об открытии молитвенного дома уполномоченными от самарских католиков выступали

Владислав Корженевский, Казимир Краснодембский и Иосиф Дочар (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 168. Д. 34 (О разрешении католикам снять в г. Самаре молитвенный дом). Л. 1), председателем благотворительного общества при римско-католическом храме был Лесинский (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2886 (О разрешении благотворительному обществу открыть публичную библиотеку-читальню). Л. 1). Ответственным за библиотеку-читальню стал Иосиф Войцеховский (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2886. Л. 19).

Таким образом, в самарских реалиях конца XIX – начала XX в. понятия *поляк* и *католик* совершенно сливались в восприятии официальном и обыденном. Нельзя не согласиться с авторитетными знатоками вопроса, напоминающими о недопустимости «национализации» религии (см., например, [2, с. 95–96; 3, с. 18–23]). Эти замечания особенно важны в биографических исследованиях, однако в просопографических штудиях индивидуальные качества личности вполне могут заслоняться общими и заведомо однозначными характеристиками сообщества.

Костёл и католическая община становились признанным центром польской жизни в Самаре. Неудивительно, что польский комитет по оказанию помощи беженцам, функционировавший в годы Первой мировой войны, образовали члены самарской католической общины, а председательствовал в нём настоятель прихода ксёндз Игнатий Лапшиш (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266 (Вырезки из самарских газет...). Л. 13). Да и сами поляки-беженцы, оказавшись в незнакомом городе, искали помощи именно в костёле. Например, заметка в одной из самарских газет начиналась так: *Вчера в польский костёл явилась девица лет двадцати, со слезами на глазах жаловавшаяся на своё безвыходное положение. Сама она уроженка Ломжинской губернии...* (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 266. Л. 13). Юная Софья Брудзинская (польск. Brudzińska Zofia, рус. Брудзинская София Леоновна, 1899–1993, в будущем – сестра Яна, почитаемая католической церковью за многолетнее подвижничество¹), приехавшая в Самару вместе с отцом в 1915 г., в своих воспоминаниях отмечает, что очень тяжело переживала переезд (В., с. 17). Она не без сантиментов признаёт, что привыкнуть к новому месту ей помог именно костёл Пресвятого Сердца Иисуса: *В Самаре, как и во всех городах европейской России, был католический костёл. Какое это было счастье: Иисус, укрытый в святых таинствах, алтарь Божьей Матери, ксёндз-настоятель, несколько капелланов из польских эмигрантов – всё так, как на родине, в Варшаве* (В., с. 17).

Беженское движение привело к многократному, хотя и кратковременному увеличению численности самарской польской общины и расширило поле её культурной деятельности, которая осуществлялась в рамках клуба под названием «Польский дом». В нём было поставлено несколько польских пьес, в том числе «Обжинки» и «Чёртова скамья» Яна Галяшевича (Т., с. 44). Музыканты из «Польского дома» в ноябре 1916 г. участвовали, например, и в траурной мессе, посвящённой смерти Генрика Сенкевича (Т., с. 44). Осенью 1916 г. польской молодёжью были созданы мужская и женская харцерские дружины (харцерство – польский аналог скаутского движения [1, с. 64]), каждая из которых

¹ См. Powstańcze Biogramy (<http://www.1944.pl/powstancze-biogramy/zofia-brudzinska,4544.html>), а также «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ» (<http://www.reabit.org.ua/files/store/Journ.2003.2.pdf>).

насчитывала уже вскоре около ста членов. По воскресеньям после мессы обе дружины проводили собрания, а затем отправлялись на лекции по польской литературе, которые читала в здании костёла Станислава Островская (Т., s. 45).

Для успешной самоидентификации необходимы практики, формирующие и консолидирующие сообщество, которые и создают чувство близости дел и интересов («наши»), коллективные формы воспоминаний.

Религиозные коллективные церемонии, обряды и ритуалы требовательно объединяли диаспору, играя примерно такую же роль, как, например, годовщины национальных восстаний, отмечаемые поляками-эмигрантами в Западной Европе.

Метрические книги самарского римско-католического костёла фиксируют браки и смерти членов католической общины. По актам в период с 1888 по 1895 г. поляками заключено 58 браков, из которых лишь три были межконфессиональными (во всех этих случаях брак заключался с лютеранами). Ни одного случая вступления поляков в брак с православными в течение данного периода не зафиксировано, хотя по Закону о брачных союзах² для Царства Польского допускалось заключение подобного разновременного брака католическим священником в том случае, если проводился и подобный православный обряд.

Определённым доказательством того, что подобные межконфессиональные браки заключались, может служить следующий факт: во время первой всеобщей переписи населения в Самарской губернии 108 человек, указавших в качестве родного польский язык, заявили о принадлежности к православному вероисповеданию (ПВПН, с. 60). По мнению Л.Е. Горизонтова, обстоятельно проанализировавшего дискриминационные для католиков, прежде всего для поляков, положения брачного законодательства Российской империи (см. [2, с. 75–99]), «потомки смешанных браков составляли абсолютное большинство православных поляков империи» [2, с. 95], так как в случае принадлежности одного из супругов к православию дети от этого брака должны были быть обращены в православную веру [2, с. 80].

Вполне вероятно, что из-за этого многие поляки считали для себя невозможным заключение брака с православными, обоснованно видя в польской католической семье важный институт национальной самоидентификации. Например, сосланный после восстания 1863–1864 гг. в Самарскую губернию Осип Козловский в прошении о поездке с братьями на родину для получения долгов в качестве дополнительного аргумента указывает необходимость поиска жён для себя и для братьев: *Покорнейше прошу дозволить мне с моими братьями оправиться на свою родину, если не на постоянное жительство, то, по крайней мере, хоть на один год для вышепояснённой надобности, и, быть может, хоть один из нас там вступит в законный брак, так как одинокая жизнь, не имея в семействе ни одной женщины, становится для нас невыносимой...* (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 164. Д. 14 (О проживающих в Новоузенском уезде политических ссыльных из Западного края по последнему польскому мятежу). Л. 76–76 об.).

Браки поляков с русскими женщинами особенно негативно воспринимались в среде польских политических ссыльных и считались двойным предательством –

² Имеется в виду статья 72 книги первой «О правах и обязанностях семейных» части 1 «Свода законов гражданских» тома X Свода законов Российской империи (<http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/8.html>).

предательством католической веры и своих политических убеждений. Считалось, что, обзаведясь на месте ссылки семьёй, поляк становится навсегда потерянным для родины: такой поляк постепенно обрусееет, забудет родной язык, традиции и не пожелает возвращаться домой после помилования [4, s. 118–119].

Метрические книги самарского римско-католического костёла содержат также данные о крещениях. Здесь наибольший интерес представляют имена, которые получали дети. Самой большой популярностью пользовались такие имена, как:

Мужские имена	Женские имена
<i>Витольд</i>	<i>Анастасия</i>
<i>Владислав</i>	<i>Анна</i>
<i>Иван</i>	<i>Антонина</i>
<i>Карл</i>	<i>Елена</i>
<i>Константин</i>	<i>Мария</i>
<i>Михаил</i>	<i>София (Зофия)</i>
<i>Станислав</i>	<i>Ядвига</i>
<i>Феликс</i>	<i>Янина</i>

Называли детей и традиционными польскими именами:

Мужские имена	Женские имена
<i>Вацлав</i>	<i>Агнешка</i>
<i>Викентий</i>	<i>Ванда</i>
<i>Войцех</i>	<i>Казимира</i>
<i>Томаш</i>	<i>Юстина</i>

Часто встречаются двойные имена, например:

Мужские имена	Женские имена
<i>Владислав-Казимир</i>	<i>Ванда-Мария</i>
	<i>Янина-Аурелия</i>

Выбор имени для новорождённого не только свидетельствовал о привязанности родителей к польскому обычаю, но и обнаруживал романтическую веру в родину как настоящий дом, куда потомки диаспорных поляков обязательно вернуться в будущем.

Важными институтами сохранения национальной идентичности являлись 1) школа, открытая в доме, переданном для этих целей парашии (приходу) инженером Хилинским [5, s. 173], и 2) библиотека-читальня, действовавшая при костёле.

Родной язык как древний и эффективный инструмент защиты любого этноса, бесспорно, укреплял чувство общности, способствовал поддержанию культурной идентичности поляков, то есть осознанию общего прошлого, единой исторической судьбы, важнейших ценностных ориентаций. Так, уже упомянутая нами Софья Брудзинская, ставшая в 1916 г. единственной учительницей и воспитательницей в самарском приюте для 150 польских детей-сирот, с точным пониманием своей миссии рассказывала вечерами воспитанникам «о Польше... о великих поляках и истории наших отцов» (В., s. 18–19).

Несмотря на активность самарских поляков в конфессиональной сфере, в начале XX в. возникла необходимость создания светского объединения поляков, зарегистрировать которое пытались в 1908 г. Уполномоченными от членов-учредителей врачом Иваном Шмурло, надворным советником Казимиром Радваном и Вацлавом Юркевичем в тот год подавалось прошение об утверждении устава польского собрания «Огниво», однако в регистрации общества было отказано (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 124. Д. 85 (Об учреждении в Самаре польского собрания «Огниво»). Л. 1–6).

Ещё одним районом значительного присутствия поляков в Самарской губернии был Новоузенский уезд, куда водворялись ссыльные участники восстания 1863–1864 гг. Сложно говорить о национальной идентичности данной группы, которая в бюрократических документах чаще всего именовалась либо «западно-польскими переселенцами» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 152. Д. 5 (О ссылке на поселение в Самарскую губернию государственных крестьян Вилкомирского уезда Ковенской губернии). Л. 7), либо просто «польскими переселенцами» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 166. Д. 33 (О ходатайстве польских переселенцев о возвращении на родину). Л. 1), так как в неё входили лица, высланные в большинстве своём из Ковенской, Виленской и Гродненской губерний.

В данной группе ссыльных могли находиться люди с двойной идентичностью: литовцы, белорусы и другие представители непольского населения. Впрочем, можно предположить, что в условиях ссылки и неизбежного отчуждения от инонационального окружения «раздвоение» родины в сознании неполяков последовательно преодолевалось. Внешние факторы, как уже отмечалось нами, придавали особую устойчивость коллективной этнической самоидентификации. Ссыльные, водворённые в Новоузенском уезде, значительно меньше подвергались ассимиляторским манипуляциям, так как проживали обособленно от остального населения уезда в двух деревнях – Таловке и Чёрной Падине, к которым были приписаны по прибытии в Самарскую губернию. Когда вышел манифест о помиловании и появилась возможность вернуться на родину, более 100 человек изъявили желание ею воспользоваться. Это были и ссыльные, которые в поисках заработка уже успели переселиться в другие населённые пункты уезда, в том числе и те переселенцы, что имели постоянное занятие и неплохой заработок на новом месте проживания (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 164. Д. 14. Л. 5–126; ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 166. Д. 33. Л. 2, 21, 31, 33–34, 69).

Материалы польской диаспоры в пореформенной Самарской губернии показывают, что поляки даже в условиях национального притеснения оказались народом, способным последовательно и успешно противостоять ассимиляции и культурной гомогенизации. Созданная поляками система институтов (конфессиональных, образовательных, культурных) позволяла сохранять и укреплять главную идентичность – «быть поляком». А это значит, что польская диаспора Самарской губернии, как и многочисленная Полония, оставалась органической частью польского народа, внося в формирование современной польской нации свой коллективный опыт, в частности – опыт взаимоотношений с восточным соседом возрождённого в начале XX в. независимого Польского государства.

Источники

- ПВПН – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центрального статистического комитета Мин-ва внутр. дел, 1904. – Т. XXXVI: Самарская губерния. – 220 с.
- ЦГАСО – Канцелярия самарского губернатора (1850–1917) // Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 3. 12178 ед. хр., 1844–1917 гг., 234 оп.
- В. – *Brudzińska Z. (Siostra Jana). Zaślubiona Wschodowi: wspomnienia.* – Częstochowa: Edycja Św. Pawła, 2008. – 134 s.
- Т. – *Turczyński B. Wspomnienie z Samary // Przegląd Pruszkowski.* – 2002. – No 2. – S. 44–45.

Литература

1. *Stefaniak R. Harcerstwo polskie w państwie rosyjskim // Историчний архів. Наукові студії.* – 2010. – № 5. – С. 64–66.
2. *Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.).* – М.: Индрик, 1999. – 272 с.
3. *Chlewiński Z. koncepcja interkulturowych badań stereotypów, uprzedzeń oraz tożsamości narodowej i religijnej w krajach Europy Środkowo-Wschodniej: Aspekt psychologiczny // Psychospołeczne podstawy relacji między narodowościami Europy Środkowo-Wschodniej.* – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1996. – Т. 10. – S. 7–28.
4. *Jędrzychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883): działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna.* – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. – 240 s.
5. *Czaplicki B. Katolicka działalność dobroczynna w Rosji w latach 1860–1918.* – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Wyszyńskiego, 2008. – 378 s.

Поступила в редакцию
05.04.16

Вяльцева Елена Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия
E-mail: ele43491@yandex.ru

Кутявин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории международных отношений и документоведения

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия
E-mail: Vladimir.kutiavin@gmail.com

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 699–706

**“Being the Pole”: National Identity of the Poles in Samara Province
since the Middle of the 19th to the Early 20th Century**

E.N. Vialtseva^{*}, *V.V. Kutiavin*^{**}

Samara National Research University, Samara, 443086 Russia

E-mail: ^{*}*ele43491@yandex.ru*, ^{**}*Vladimir.kutiavin@gmail.com*

Received April 5, 2016

Abstract

The paper describes the institutions and mechanisms of national self-identification of members of the Polish diaspora in Samara province during the second half of the 19th – the beginning of the 20th century. The Polish diaspora in Samara consisted from exiled participants of the uprising of 1863–1864 and economic migrants. The national identity of Samara Poles is described with the help of statistics and official documents, because there are no private sources covering this problem. On the whole, 99.4% of Poles in Samara province were Catholics and 76.5% of Catholics in Samara city were Poles. The important organizations for preservation of the national identity were opened in the Catholic Church: school and library. The Poles tried to avoid inter-confessional marriages and gave their children traditional Polish names. The First World War increased the influx of refugees and led to a growth of activity of the Polish diaspora in Samara. During this period, Polish scout organizations and the club called “Polish House”, where Poles played in theatre and read lectures about Polish literature, appeared in the city. Samara Poles successfully resisted the assimilation processes by creating a system of institutions (religious, educational, and cultural), which allowed them to maintain and strengthen the national identity – “being the Pole”. It means that the Polish diaspora in Samara province, as well as the large Polonia, was a part of the entire Polish nation and contributed its collective experience to the development of modern Polish nation.

Keywords: post-reform Russian Empire, Samara province, Polish diaspora, national identity, institutes and mechanisms of national self-identification, Catholicism

⟨ *Для цитирования:* Вяльцева Е.Н., Кутявин В.В. «Быть поляком»: о национальной идентичности поляков Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 699–706. ⟩

⟨ *For citation:* Vialtseva E.N., Kutiavin V.V. “Being the Pole”: National identity of the Poles in Samara province since the middle of the 19th to the early 20th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 699–706. (In Russian) ⟩